РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51* *Код ВАК 5.9.8*

Александр Михайлович Аматов[1]✉, Стелла Яновна Янутик[2]✉, Ирина Александровна Авилова[3]✉

[1,2,3] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
[1] amatov@bsuedu.ru✉, SPIN-код: 5306-1616, https://orcid.org/0000-0002-5530-3274
[2] yanutik@bsuedu.ru✉, SPIN-код: 5415-1637, https://orcid.org/0000-0002-2609-6683
[3] avilova_i@bsuedu.ru✉, SPIN-код: 3498-4350, https://orcid.org/0009-0008-9295-5571

Дейктический сдвиг в политическом дискурсе США

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию лингвопрагматического потенциала дейктических средств в американском политическом дискурсе. Предметом работы выступают дейктические элементы (личные и указательные местоимения, местоименные наречия, имена собственные) как языковые маркеры репрезентации концепта «свой — чужой». Цель исследования — выявить функциональные особенности и динамику использования дейксиса в политических выступлениях президентов и других ведущих политиков США начала XXI века (2010-е — 2020-е гг.). Методологической основой послужил корпусный анализ указанных выступлений с применением методов критического дискурс-анализа и прагмалингвистического подхода, трактующего дейксис как категорию прагматики. Результаты показывают, что дейктические средства выполняют стратегические функции: манипуляцию, положительную саморепрезентацию, апелляцию к национальной гордости, создание образа врага и внушение идеи единства политиков и граждан. При этом выявлена новая особенность — смещение акцентов с традиционных ин-групп и аут-групп на конкретные личности политиков, маркерами которого служат употребляемые дейктические слова. Результаты могут применяться в лингвопрагматике, политической лингвистике, теории дискурса и в преподавании английского языка. В заключение делается вывод, что дейксис остается мощным инструментом речевого воздействия, а его современная динамика отражает персонализацию политического процесса в США.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, политические деятели, английский язык, дейксис, дейктические средства, дихотомия, коммуникативные стратегии, концепты, политические речи, политические выступления, политическая риторика, свой — чужой, американские политики.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Аматов Александр Михайлович, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики преподавания, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, email: amatov@bsuedu.ru.*

Янутик Стелла Яновна, старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, email: yanutik@bsuedu.ru.

Авилова Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, email: avilova_i@bsuedu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Аматов, А. М.* Дейктический сдвиг в политическом дискурсе США / А. М. Аматов, С. Я. Янутик, И. А. Авилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 12-20.

Aleksandr M. Amatov[1]✉, Stella Ya. Yanutik[2]✉, Irina A. Avilova[3]✉

[1,2,3] Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
[1] amatov@bsuedu.ru✉, SPIN code: 5306-1616, https://orcid.org/0000-0002-5530-3274
[2] yanutik@bsuedu.ru✉, SPIN code: 5415-1637, https://orcid.org/0000-0002-2609-6683
[3] avilova_i@bsuedu.ru✉, SPIN code: 3498-4350, https://orcid.org/0009-0008-9295-5571

A Deictic Shift in the U.S. Political Discourse

ABSTRACT. *The paper deals with the linguopragmatic potential of deictic means in American political discourse. The object of the study includes deictic elements (personal and demonstrative pronouns, pronominal adverbs, and proper names) as linguistic markers representing the "OWN – ALIEN" conceptual opposition. The aim of the paper is to identify the functional specific features and dynamics of deixis in political speeches of U.S. presidents and other leading politicians of the early 21st century (2010s—2020s). The methodological framework includes a corpus analysis of these speeches, combined with a critical discourse analysis and a study within the pragmalinguistic approach that treats deixis as a pragmatic category. The findings show that deictic means perform strategic functions: manipulation, positive self-representation, appeal to national pride, construction of the enemy image, and conveying the idea of the unity between politicians and citizens. A newly observed trend is a shift from traditional in-groups and out-groups toward specific political personalities, with deictic words serving as markers of this shift. The results can be applied in pragmalinguistics, political linguistics, discourse theory, and*

© Аматов А. М., Янутик С. Я., Авилова И. А., 2026

teaching English as a foreign language. The conclusion is that deixis remains a powerful instrument of speech influence, and its current dynamics reflect the personalization of the U.S. political process.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, politicians, English language, deixis, deictic means, dichotomy, communication strategies, concepts, political speeches, political addresses, political rhetoric, own – alien, American politicians.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Amatov Aleksandr Mikhaylovich, Doctor of Philology, Professor of Department of English and Methods of Its Teaching, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.*

Yanutik Stella Yanovna, Senior Lecturer of Department of English and Methods of Its Teaching, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Senior Lecturer of Department of English and Methods of Its Teaching, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

FOR CITATION: *Amatov A. M., Yanutik S. Ya., Avilova I. A*. (2026). A Deictic Shift in the U.S. Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 12-20. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Глобальной коммуникативной стратегией политического дискурса, в том числе американского, является поляризация, т. е. четкое, диаметральное противопоставление двух групп: ин-группы «своих» и аут-группы «чужих» [Красильникова 2005; ван Дейк 2013; Хлопотунов 2025]. Эта глобальная стратегия имеет два основных направления, или, говоря словами Т. ван Дейка, имеет ярко выраженную тенденцию «к ин-групповому фаворитизму или положительной самопрезентации и аут-групповому принижению или негативной презентации других… с помощью различных трудноуловимых структур значений, формы и действий … дискурс обычно подчеркивает Наши положительные и Их плохие качества, а также де-акцентуирует (приуменьшает, скрывает) Наши плохие и Их хорошие стороны. Эта общая четырехмерная идеологическая схема используется … в целом при поляризации „свои — чужие“ („ин-группа — аут-группа“) в социальных практиках, дискурсе и мышлении» [ван Дейк 2013: 133].

Моделируя актуальные политические, социальные, экономические и другого рода проблемы жизни государства в терминах противостояния, конкуренции и войны (отсюда, к примеру, широкое использование в политических текстах военных и спортивных метафор) [Кураш 2018], американские политики предлагают обществу конфликтный путь их разрешения. При этом в образе «своих», как правило, выступают сам докладчик и его политическая организация, прочно ассоциирующая себя с американским народом, а в образе «врага» или «чужих» — представители оппозиционных политических сил, лоббисты в правительстве, внешнеполитические соперники США, террористические организации, мигранты и т. д.

Важная роль в рамках данной глобальной стратегии отводится дейктическим языковым средствам: личным, притяжательным и указательным местоимениям и именам собственным — личности политиков, названия партий, стран и т. д. Не случайно эти средства никогда не выпадают из внимания исследователей в области политической лингвистики [Мельник 2019; Bystrov 2024; Закирова 2025; Костина 2025; Bylykbashi 2025; McEntee-Atalianis 2025]. Изучается роль дейксиса в различных типах выступления, например, в дебатах [Хлопотунов 2025; Bourgeois 2025], инаугурационных речах [Пахолкова 2012; Габец 2016], обращениях к избирателям [Kulubekova 2024] и т. д. А поскольку лежащая в основе тактики поляризации дихотомия «свои — чужие» соответствует дейктическим местоимениям «Мы и Они» (и часто именно так называется в исследованиях по политическому дискурсу), то эти слова закономерно оказываются в центре внимания исследователей [Красильникова 2005; Hamdaoui 2015; Карамова 2025].

Тем не менее в последние несколько лет характерной чертой американского политического дискурса становится персонализация обеих групп, выдвижение на первый план конкретной личности того или иного политика, представляющего как «своих», так и «чужих» [Аматов 2025]. В работе предпринимается попытка ответить на вопрос, с чем связан подобный сдвиг и какие изменения в коммуникативных стратегиях и тактиках он за собой влечет.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе применяется метод критического дискурс-анализа, в рамках которого политический дискурс рассматривается как вид институционального дискурса, так или иначе строящегося вокруг борьбы за завоевание, удержание и воспроизводство политической власти. В качестве фактического материала рассматриваются выступления американских президентов и других видных политических деятелей на промежутке от 2012 до

2026 г. Дейктические маркеры указывают на то, что в целом ряде случаев акцент смещается с ин- и аут-групп в целом на конкретных политических деятелей, эти группы представляющих.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В риторике борьбы за власть дейксису отводится особое место. В политических речах это не просто указание на то или иное лицо, место, время, но и основа дихотомического противопоставления противоборствующих групп «своих» м «чужих» в рамках стратегии поляризации, цель которой — легитимация своих действий и делегитимация действий оппонентов, а также мобилизация сторонников. Сама данная стратегия часто называется именно дейктическими местоимениями «Мы и Они», о чем уже говорилось выше.

Разумеется, личные и притяжательные местоимения (применительно к англоязычному дискурсу *we/they* и производные от них) важны не сами по себе. Они лишь служат маркерами того, насколько острым является противопоставление и, следовательно, насколько силен накал политической борьбы в обществе. И в американском политическом дискурсе они доминируют (точнее, доминировали до недавнего времени) по частотности среди всех других личных и притяжательных местоимений, кроме *I*, что объясняется не столько дейксисом, сколько структурными особенностями. Скажем, многие обороты, в том числе вводные конструкции, которые в русском языке могут быть оформлены вообще без местоимения (*«полагаю», «считаю», «согласен»* и т. п.), в английском языке вводятся местоимением первого числа единственного числа (*“I suppose”, “I believe”, “I agree”*, etc). Однако в последнее десятилетие ситуация стала меняться, и чтобы это проиллюстрировать, приведем некоторые количественные данные о личных и производных от них местоимениях, употребленных в ходе предвыборных дебатов между кандидатами на пост президента США. В частности, были рассмотрены выступления политиков в ходе дебатов с 2012 по 2024 г. между следующими кандидатами: Барак Обама и Митт Ромни (2012[1]), Дональд Трамп и Хиллари Клинтон (2016[2]), Дональд Трамп и Джо Байден (2020[3] и 2024[4]), Дональд Трамп и Камала Харрис (2024[5]). Данные о количестве личных местоимений в речах участников дебатов представлены в таблице.

Здесь обращает на себя внимание рост частоты употребления местоимений третьего лица. Дейктическое местоимение they и производные от него показывают стабильный рост со 197 употреблений в дебатах-2012 до 321/328 в 2024, т. е. более чем в полтора раза. Это можно объяснить ростом политической напряженности на фоне разного рода кризисных явлений, когда образ врага (Они) задействуется активнее для мобилизации и консолидации электората (Мы). Однако еще больший рост показывают местоимения единственного числа (he/she и их производные): со скромных 137 употреблений в дебатах 2012 года до 191 в 2016,

[1] President Barack Obama and Former Gov. Mitt Romney Candidates Debate, October 3, 2012. URL: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-3-2012-debate-transcript/.

[2] Donald Trump vs. Hillary Clinton 1st Presidential Debate Transcript, September 26, 2016. URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-1st-presidential-debate-2016.

[3] Donald Trump & Joe Biden Presidential Debate Transcript, September 29, 2020. URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-joe-biden-1st-presidential-debate-transcript-2020.

[4] President Biden and Former President Donald Trump Presidential Debate, June 27, 2024. URL: https://edition.cnn.com/2024/06/27/politics/read-biden-trump-debate-rush-transcript.

[5] Harris-Trump Presidential Debate Transcript, Sept. 10, 2024. URL: https://abcnews.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542.

Таблица

Год	Участники	I/me/my(mine)	we/us/our(s)	they/them/their(s)	he/him/his	she/her(s)
2012	B. Obama / M. Romney	242/24/60	215/26/66	99/53/45	96/3/38	–
2016	H. Clinton / D. Trump	369/33/35	270/34/115	158/67/40	72/13/32	51/22
2020	J. Biden / D. Trump	196/41/36	173/17/36	204/55/28	170/45/54	–
2024	J. Biden / D. Trump	241/19/24	226/97/97	227/60/34	232/62/103	–
2024	K. Harris / D. Trump	198/25/33	202/24/101	245/40/43	115/34/49	127/49

269 в 2020 и 397/374 в дебатах 2024 г., то есть за всё время наблюдений почти в 3 раза. Также интересно отметить, что абсолютное число местоимений третьего лица единственного числа превысило количество местоимений третьего лица множественного числа: he/she стали доминировать, оттеснив they на второе место. В формате дебатов местоимения третьего лица единственного числа в подавляющем большинстве случаев указывают на оппонента, указания же на третьих лиц в таких выступлениях достаточно редки и не меняют общей картины. Получается, что участники дебатов за последние 10–12 лет стали гораздо чаще упоминать друг друга, и вряд ли для того, чтобы сделать комплимент. На эту особенность обратили внимание многие исследователи [Körner 2022; Macagno 2022; Bourgeois 2025], отметившие участившиеся в ходе предвыборных дебатов и прочих выступлений переходы на личность оппонента, причем часто выходящие далеко за рамки конструктивной критики.

Здесь может сложиться впечатление, что переходы на личность оппонента стали своего рода нормой американской политической риторики с появлением на политической арене фигуры Дональда Трампа, который как раз начал участие в предвыборной гонке с 2016 года. Его эпатажный стиль и резкие, порой шокирующие высказывания создали ему репутацию enfant terrible американского политического бомонда. «Ключевые черты его образа включают в себя его богатство, роскошный стиль жизни и образ крутого парня, не терпящего компромиссов, что тесно связано с его нью-йоркским происхождением. Этот аспект его личности часто воспринимался как необычный или даже забавный, хотя одновременно многие считали такое поведение злобным и жестоким», — отмечают, в частности, С. Буржуа и Д. Босфилд, в том числе со ссылками на другие исследования [Bourgeois 2025: 32]. При этом речевое поведение соперников Трампа по президентской гонке оценивают куда более сдержанно. Те же авторы отмечают: «Риторика Байдена, несмотря на некоторые его странности, остается близкой к тому, что можно было бы ожидать от умеренного и традиционного политика» [Bourgeois 2025: 44]. Наконец, риторику К. Харрис, сменившей Байдена в предвыборной гонке, оценивают как «более дисциплинированную и осторожную» по сравнению с речевым поведением как Трампа, так и Байдена [Bourgeois 2025: 46].

Однако такой взгляд представляется нам несколько поверхностным и даже в известной степени меняющим местами причину и следствие. В системе, где сталкиваются интересы могущественных социальных групп, отдельный политик, даже если он представляет собой яркую языковую личность, не может совершить революцию, в том числе в риторике. Скорее наоборот: выдающимся становится тот политик, который умеет правильно уловить интересы крупных политических игроков в текущий момент. Другими словами, само появление Дональда Трампа с его риторикой является не причиной, а скорее проявлением более глубоких трансформаций, происходящих в политической жизни США. Далее мы постараемся показать, что по части личных претензий и обвинений «более умеренные, дисциплинированные и осторожные» политики как минимум не уступают Дональду Трампу ни количественно, ни качественно.

Поскольку дебаты между кандидатами на пост президента США 2012 года не представляют собой ничего особенного в свете заявленной темы и служат скорее реперной точкой для дальнейших сравнений, мы начнем с дебатов 2016 года между Хиллари Клинтон и Дональдом Трампом. Вот вполне типичный фрагмент из обсуждения, где участники дискутируют по проблемам миграции и переходят к взаимным нападкам:

Hillary Clinton: *When it comes to the wall that Donald talks about building, he went to Mexico, he had a meeting with the Mexican president. Didn't even raise it. He choked and then got into a Twitter war because the Mexican president said we're not paying for that wall…*

Donald Trump: *I think I should respond to that. First of all, I had a very good meeting with the president of Mexico. Very nice man. We will be doing very much better with Mexico on trade deals. Believe me. The NAFTA deal signed by her husband is one of the worst deals ever made of any kind, signed by anybody. It's a disaster. Hillary Clinton wanted the wall. Hillary Clinton fought for the wall in 2006 or thereabouts. Now, she never gets anything done, so naturally the wall wasn't built. But Hillary Clinton wanted the wall*[1].

В приведённом фрагменте Клинтон упрекает Трампа в том, что он выступает за стену на границе с Мексикой, хотя во время переговоров с президентом Мексики даже не заикнулся о ней, то есть довольно прозрачно намекает, что ее оппонент лишь дает пустые обещания. Трамп парирует тем, что Клинтон

[1] Donald Trump vs. Hillary Clinton 1st Presidential Debate Transcript, September 26, 2016. URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-1st-presidential-debate-2016.

сама была сторонницей стены, а также упоминает Североамериканское соглашение о свободной торговле, которое называет «катастрофой» и утверждает, будто бы эту «худшую сделку в истории» подписал «ее муж». Здесь надо отметить, что соглашение, хоть и вступило в силу при президенте Б. Клинтоне, было подписано не им, а его предшественником, Дж. Бушем — старшим в 1992 году. Однако Трамп умалчивает об этом, поскольку Буш — республиканец, то есть входит в ин-группу, которая в глобальной стратегии подлежит лишь восхвалению.

В целом можно сказать, что оба кандидата, хотя и периодически переходят на личности здесь и в других местах дебатов, ведут себя достаточно сдержанно и стараются оставаться в рамках цивилизованной дискуссии, критикуя главным образом решения и взгляды противоположной стороны, но не личность. Бывали и срывы, например, когда оба участника назвали друг друга «марионетками Путина», но эти эскапады больше похожи на спонтанную реакцию, нежели на спланированное очернение оппонента.

Во время дебатов 2020 года оба кандидата (Дональд Трамп и Джо Байден) гораздо чаще шли на конфронтацию и задавали друг другу провокационные вопросы, требуя немедленного ответа и обвиняя друг друга в невыполнении обещаний. Местами оба кандидата также срывались, переходя на ругань и обращаясь друг к другу во втором лице: “*Will you shut up, man?*” (Байден), “*Did you use the word smart? So you said you went to Delaware State, but you forgot the name of your college. You didn't go to Delaware State. You graduated either the lowest or almost the lowest in your class. Don't ever use the word smart with me. Don't ever use that word.”*(Трамп) и т. п. В основном же, критикуя друг друга, кандидаты употребляли имена собственные и местоимения третьего лица, стараясь всё же критиковать не столько личности друг друга, сколько взгляды и политику.

Переломным моментом можно назвать 2024 год, когда полемика между кандидатами фактически свелась к серии личных выпадов и перепалок. Так, 26 июня 2024 года конфронтацию начал президент Байден:

I was the second-youngest person ever elected to the United States Senate. And now I’m the oldest. This guy’s three years younger and a lot less competent. I think that just look at the record. Look what I’ve done. Look how I’ve turned around the horrible situation he left me[1].

В данном отрывке хорошо прослеживаются основные тактики завышенной самопрезентации и заниженной презентации оппонента. Байден заявляет о своем большом опыте в политике (самовосхваление), обвиняет своего оппонента в некомпетентности (принижение), а затем комбинирует то и другое. Заключение приведенной цитаты представляет собой довольно распространенный полемический прием: «Нам (Мне) приходится исправлять то, что натворили Они (Он)». Этот прием еще будет встречаться в цитатах, которые мы приведем ниже. Главное же, что отличает данный пассаж — это явное дихотомическое противопоставление по линии «Я — Он», а не традиционное «Мы — Они».

Дональд Трамп ответил в рамках той же дихотомии «Я — Он», сделав акцент на физическом и интеллектуальном состоянии, как своем, так и оппонента:

Well, I took two tests, cognitive tests. I aced them, both of them, as you know. We made it public. He took none. I’d like to see him take one, just one, a real easy one. Like go through the first five questions, he couldn’t do it. But I took two cognitive tests. I took physical exams every year. And, you know, we knock on wood, wherever we may have wood, that I’m in very good health. I just won two club championships, not even senior, two regular club championships. To do that, you have to be quite smart and you have to be able to hit the ball a long way. And I do it. He doesn’t do it. He can’t hit a ball 50 yards[2].

Камала Харрис, перенявшая эстафету от сошедшего с президентской гонки Джо Байдена, в основном продолжила его риторику, обвиняя Трампа во всех провалах и неудачах, постигших Америку, а «Мы», то есть демократы, были вынуждены «убирать грязь, которую он оставил после себя»:

Donald Trump left us the worst unemployment since the Great Depression. Donald Trump left us the worst public health epidemic in a century. Donald Trump left us the worst attack on our democracy since the Civil War.

[1] President Biden and Former President Donald Trump Presidential Debate, June 27, 2024. URL: https://edition.cnn.com/2024/06/27/politics/read-biden-trump-debate-rush-transcript.

[2] President Biden and Former President Donald Trump Presidential Debate, June 27, 2024. URL: https://edition.cnn.com/2024/06/27/politics/read-biden-trump-debate-rush-transcript.

And what we have done is clean up Donald Trump's mess[1].

В ответ Дональд Трамп также не преминул перейти на личность оппонента, бросив в адрес Харрис довольно уничижительную реплику: «Я не говорю „она", потому что у нее нет своей политики». Далее Трамп приписывает Харрис марксистские взгляды, якобы унаследованные от отца, и пускает в ход тот же прием, который только что был применен против него самого, призывая «посмотреть, что она сделала с нашей страной»:

We hardly make chips anymore because of philosophies like they have and policies like they have. I don't say her because she has no policy. Everything that she believed three years ago and four years ago is out the window. …

She's a Marxist. Everybody knows she's a Marxist. Her father's a Marxist professor in economics. And he taught her well. But when you look at what she's done to our country and when you look at these millions and millions of people that are pouring into our country monthly where it's I believe 21 million people, not the 15 that people say, and I think it's a lot higher than the 21. That's bigger than New York state. Pouring in[2].

Перечисленные здесь и многие другие перепалки, возникавшие между кандидатами в президенты и в 2016, и в 2020, и в особенности в 2024 году, разумеется, не прекратились вместе с дебатами. Напротив, они заняли прочное место в риторике американских политиков, выступающих в разных местах и по разным поводам. Вот, например, фрагмент из выступления уже избранного президентом Дональда Трампа на совместном заседании Конгресса 4 марта 2025 года:

Within hours of taking the oath of office, I declared a national emergency on our southern border, and I deployed the US military and border patrol to repel the invasion of our country. And what a job they've done. As a result, illegal border crossings last month were by far the lowest ever recorded ever. They heard my words, and they chose not to come. Much easier that way.

In comparison under Joe Biden, the worst president in American history, there were hundreds of thousands of illegal crossings a month, and virtually all of them, including murderers, drug dealers, gang members, and people from mental institutions and insane asylums were released into our country[3].

Без лишней скромности вновь избранный президент перечисляет собственные достижения, используя местоимение первого лица единственного числа: «я объявил чрезвычайное положение», «я отправил войска». Далее следует обязательная дихотомия, сравнение своих достижений (даже не столь важно, реальных или мнимых) с провалами своего предшественника Джо Байдена, которого Трамп называет «худшим президентом в американской истории».

Проигравшая гонку К. Харрис также ничуть не снизила градус нападок на теперь уже действующего президента Трампа. Вот одно из недавних ее высказываний в интервью Fox News:

"*What has he done? He's lifted sanctions on Russia. You know what that means? They're making money to sell oil that otherwise they were prevented from selling. What else does it mean? We're sending artillery ammunition, air defense…*"[4]

В этом фрагменте примечательно то, что на фоне традиционных групп «Мы» (США) и «Они» (Россия) выделяется еще и «Он» (Дональд Трамп), не входящий ни в одну из полярных групп, но тем не менее содействующий «Им», а стало быть, наносящий ущерб «Нам». Причем основная тяжесть обвинений (для риторики опять же неважно, насколько обоснованных) ложится даже не на «Них», а именно на «Него». И если К. Харрис, риторику которой оценивают как «дисциплинированную и осторожную», практически в каждом своем выступлении переходит на личности (главным образом на одну личность), то и от остальных политиков, причем с обоих флангов политического спектра США, следует ожидать аналогичного речевого поведения. Эти ожидания вполне себя оправдывают. Вот, к примеру, фрагмент из выступления Х. Клинтон (которая, как мы помним, была сравнительно сдержанной на личные выпады в ходе кампании 2016 года) на съезде Демократической партии США в 2024 году:

[1] Harris-Trump Presidential Debate Transcript, Sept. 10, 2024. URL: https://abcnews.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542.

[2] Harris-Trump Presidential Debate Transcript, Sept. 10, 2024. URL: https://abcnews.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542.

[3] President Trump Addresses Joint Session of Congress, March 5, 2025. URL: https://www.cbsnews.com/news/trump-speech-transcript-2025-joint-address-congress/.

[4] Kamala Harris on FoxNews, May 7 2026. URL: https://www.foxnews.com/politics/harris-accuses-trump-allies-trying-rig-2026-midterms-virginia-court-tosses-redistricting-measure.

Donald Trump fell asleep at his own trial. And when he woke up, he made his own kind of history, the first person to run for president with 34 felony convictions[1].

Здесь мы видим, что для принижения оппонента некогда сдержанная Клинтон бросает в его адрес обвинения, которые даже не связаны напрямую с политикой. Впрочем, Д. Трамп, как мы видели в ряде примеров выше, часто прибегает к тому же приему.

Здесь надо также отметить, что дейктические средства, указывающие на третье лицо единственного числа (имена собственные, местоимения he/she) имеют еще одну особенность. Если третье лицо множественного числа семантически противопоставлено первому лицу (т. е. «Они» — это всегда не «Мы»), то в единственном числе такое четкое противопоставление отсутствует. Другими словами, «Он/Она» могут быть как частью аут-группы «Они», так и частью ин-группы «Мы». И в этом последнем случае дейксис третьего лица единственного числа может служить не для принижения (что мы видели в приведенных ранее примерах), а напротив, для возвышения отдельной личности (как правило, лидера группы). С помощью такого дейксиса создается положительный образ. Например, Х. Клинтон в процитированной выше речи не скупится на похвалы в адрес кандидата от демократов Камалы Харрис, заодно не упуская случая упомянуть и Д. Трампа, только в отрицательном ключе:

On her first day in court, Kamala said five words that still guide her: “Kamala Harris for the people.” That is something that Donald Trump will never understand. So it is no surprise, is it, that he is lying about Kamala’s record, he’s mocking her name and her laugh. Sounds familiar. But we have him on the run now[2].

В лагере республиканцев наблюдается зеркальное речевое поведение. Вот вице-президент Джей Ди Вэнс дает интервью на конференции Консервативного политического действия в феврале 2025 года:

But our message… is, President Trump cares about you. He thinks that it’s disgraceful what your own government let happen to your children, to your grandchildren. And it’s got to stop. And of course, we mourn with people, we pray for people, but we’re also asking, as their government, why did this happen to your child in the first place? And the answer is that under Joe Biden, your government didn’t do its job. Under Donald Trump, it is. Thank God for that[3].

В данной цитате вице-президент также задействует обе основные стратегии: представляет президента Трампа заботливым политиком, который печется о нуждах американцев, и одновременно заявляет, что экспрезидент Джо Байден и его администрация не справлялись со своими задачами.

Пресс-секретарь Белого дома Кэролайн Левитт также широко применяет дейктические средства, представляя своего шефа ответственным политиком и настоящим лидером:

He's the President of the United States. He's also the communications director of the White House because he dictates the message, he executes the agenda. One of the things I love about President Trump, and I think what makes him such a great leader is that he's so deeply involved in every decision that is made. Every speech that is written, every executive order that is signed, where most politicians, you just hand them the script and they read it. President Trump cares about every word he is saying and every action he is taking, so he's a leader[4].

Д. Трамп здесь противопоставлен абстрактному «большинству политиков». Их имен Левитт не называет, однако в другом месте того же интервью явно дает понять, что речь прежде всего об администрации Джо Байдена, представители которой не появлялись в офисе до полудня, тогда как команда Трампа работает не покладая рук — очередная поляризация с упором на личные и деловые качества политиков.

Персонификация противостоящих групп «Мы» и «Они», когда заслуги и положительные качества лидера ин-группы завышаются, а достижения лидера аут-группы принижаются (с отрицательными качествами происходит прямо противоположное), стали общим местом современной американской политической риторики. Среди более 30 примеров политических речей (здесь приведена лишь малая их часть), на материале которых проводился данный анализ, едва ли найдется хоть одно выступление, автор которого не заострял бы внимание на положительных чертах лидера «своих» (в том числе и самого себя) или не принижал тем или иным об-

[1] Hillary Clinton’s Speech at 2024 DNC. URL: https://singjupost.com/full-transcript-hillary-clintons-speech-at-2024-dnc/.

[2] Там же.

[3] Vice President JD Vance Speaks At CPAC 2025. URL: https://singjupost.com/transcript-vice-president-jd-vance-speaks-at-cpac-2025/.

[4] Karoline Leavitt Speaks at CPAC, November 11, 2025. URL: https://www.rev.com/transcripts/karoline-leavitt-speaks-at-cpac.

разом лидера «чужих». Столь частый «переход на личности» вкупе с повторяющимися коммуникативными стратегиями и тактиками, в рамках которых данный переход осуществляется, позволяет сделать определенные выводы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Масса примеров современного политического дискурса США показывает, что американские политики, по-прежнему применяя стандартную коммуникативную стратегию поляризации, гораздо чаще стали персонифицировать эти группы, прочно увязывая в общественном сознании образ группы и ее лидера — положительного для ин-группы «Мы» и отрицательного для аут-группы «Они». Создаются, с одной стороны, образ «героя», на которого следует равняться, с другой стороны — «врага», для борьбы с которым мобилизуется электорат.

Таким образом, мы сталкиваемся с определенного рода расширением инструментария для достижения основных и неизменных целей политического дискурса: легитимации собственной политики, дискредитации политики своих оппонентов и мобилизации сторонников или электората для достижения решения первой и второй задач.

Здесь возникает вопрос: кому и зачем понадобилось такое расширение арсенала лингвистических средств (дейксис, напомним, здесь выступает даже не средством, а скорее маркером изменившейся ситуации)? Ответ на первую часть вопроса очевиден из приведенных примеров: всем без исключения крупным современным американским политикам. Со второй же частью вопроса всё несколько сложнее. Действительно, зачем ведущим политикам США, включая президентов и кандидатов на эту должность, вдруг понадобилось опускаться на уровень не самых чистоплотных журналистов из не самых респектабельных изданий, тратя время и силы (свои и сторонников) на, казалось бы, бесплодные перепалки и выяснения личных отношений?

На наш взгляд, причина такой смены речеповеденческой парадигмы лежит в нарастании и усугублении кризисных явлений как внутри США, так и за их пределами. Сюда можно отнести огромный и, главное, непрерывно растущий внешний долг, чудовищный дефицит во внешней торговле (прежде всего с Китаем) и целый ряд других вызовов, с которыми столкнулась американская политическая система в первой четверти XXI века.

Разумеется, о нарастании такой напряженности свидетельствует не только и даже не столько риторика американских политиков: риторика — лишь реакция на эту напряженность. А то, что напряженность достигла пиковых значений за несколько последних десятилетий и перешла уже в «горячую» фазу, свидетельствуют и покушения на Д. Трампа, и прямое участие США в вооруженном конфликте на Ближнем Востоке, и рост протестных настроений внутри самих Соединенных Штатов. В этом контексте персонификация представляет собой обращение к архетипам обыденного сознания или даже коллективного бессознательного, когда вся вина с одной стороны и все достижения с другой стороны приписываются отдельной личности, роль которой чрезмерно завышается или, напротив, занижается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аматов, А. М. О роли личности в политическом дискурсе / А. М. Аматов // Текст. Язык. Человек : сборник научных трудов XIII Междунар. науч. конф. (Мозырь, 15 мая 2025 года). — Мозырь : Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина, 2025. — С. 139–144. — EDN LTGSRB.

2. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с. — ISBN 978-5-397-03766-2.

3. Габец, А. А. Функциональная парадигма дейктических средств в инаугурационных речах американских президентов XX-XXI веков / А. А. Габец // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2017. — Т. 23, № 2. — С. 102–105. — EDN YPMOZN.

4. Закирова, Е. С. К вопросу о функционировании конфликтного дейксиса в политических текстах / Е. С. Закирова, О. Ф. Ахметгареева // Вестник филологических наук. — 2025. — Т. 5, № 2. — С. 5–10. — EDN QLIMNU.

5. Карамова, А. А. Местоимение *мы* как средство репрезентации концептуального признака «свой» ключевого политического концепта «свой/чужой» в современном политическом дискурсе / А. А. Карамова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6(114). — С. 22–28. — EDN LSSXWW.

6. Костина, Н. Ю. Темпоральный дейксис в политическом дискурсе (на примере речей британских политиков о Брекзите) / Н. Ю. Костина, Х. Ж. Хайрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18, № 7. — С. 2705–2713. — DOI 10.30853/phil20250378. — EDN FRYMTK.

7. Красильникова, Н. А. Оппозиция «Мы» — «Они» в дискурсе экологических движений Англии, России и США / Н. А. Красильникова // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. — 2005. — № 15. — С. 85–102. — EDN JVKIZB.

8. Кураш, С. Б. Военная метафора в политическом дискурсе: тактика и стратегия / С. Б. Кураш, А. М. Аматов, Г. В. Свищев // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2018. — Т. 4, № 2. — С. 12–20. — EDN UWEKMQ.

9. Мельник, О. Г. Роль дейксиса в моделировании риторического пространства (на материале речи Х. Клинтон) / О. Г. Мельник // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2019. — № 1. — С. 108–118. — DOI 10.23683/1995-0640-2019-1-108-118. — EDN ZCCZBB.

10. Пахолкова, Л. М. Некоторые особенности прагматики персонального дейксиса в институциональном политическом дискурсе (на материале речей руководителей ФРГ, РФ и США при вступлении в должность) / Л. М. Пахолкова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2012. — № 3-2(41). — С. 119–122. — EDN PCEEEP.

11. Хлопотунов, Я. Ю. Языковые средства реализации тактики поляризации в американском предвыборном дискурсе

(на примере дебатов Д. Трампа и Дж. Байдена) / Я. Ю. Хлопотунов // Дискурс профессиональной коммуникации. — 2025. — Т. 7, № 2. — С. 73–92. — DOI 10.24833/2687-0126-2025-7-2-73-92. — EDN NVMXAY.

12. Bourgeois, S. Pragmatics in Contested Interpretation: Varied Audiences, Varied Implicatures, Varied Inferences / S. Bourgeois, D. Bousfield. — Palgrave Macmillan Cham, 2025. — 150 p. — ISBN 3031953444.

13. Bylykbashi, H. Deixis in American and British Political Discourse: A Corpus-Based Study / H. Bylykbashi // Jordan Journal of Modern Languages & Literatures. — 2025. — Vol. 17. — № 4. — P. 851–868. — DOI 10.47012/jjmll.17.4.1.

14. Bystrov, N. A. Contemporary American Political Discourse: a Study of Content, Structure, and Formation Features / N. A. Bystrov // Professional Discourse & Communication. — 2024. — Vol. 6, No. 2. — P. 35–48. — DOI 10.24833/2687-0126-2024-6-2-35-48. — EDN DAGJFK.

15. Hamdaoui, M. The Persuasive Power of Person Deixis in Political Discourse: The Pronoun ‘We’ in Obama’s Speeches about the 2007-2009 Financial Crisis as an Example / M. Hamdaoui // European Conference on Arts & Humanities, Official Conference Proceedings. — 2015. — P. 99–111.

16. Körner, R. How the Linguistic Styles of Donald Trump and Joe Biden Reflect Different Forms of Power. / R. Körner, J.R. Overbeck, E. Körner, A. Schütz // Journal of Language and Social Psychology. — 2022. — № 41 (6). — P. 631–658. — DOI 10.1177/0261927X221085309.

17. Kulubekova, A. Exploring Personal Deixis in Political Discourse: An analysis of Barack Obama's Farewell Address / A. Kulubekova, Ch. Naimanova, A. Shermatova, D. Baigaziev // Traduction et Langues. — 2024. — Vol. 23, No. 03. — P. 57–74. — DOI 10.52919/translang.v23i03.1011. — EDN NLJXKK.

18. Macagno, F. Argumentation profiles and the manipulation of common ground. The arguments of populist leaders on Twitter / F. Macagno // Journal of Pragmatics. — 2022. — Vol. 191. — P. 67–82. — DOI 10.1016/j.pragma.2022.01.022. — EDN PNYCBA.

19. Mcentee-Atalianis, L. Putting negotiation on a ‘principal-ed’ footing: A corpus-informed discourse analysis of person deixis in diplomatic debates / L. Mcentee-Atalianis, R. Vessey // Journal of Pragmatics. — 2025. — Vol. 247. — P. 42–56. — DOI 10.1016/j.pragma.2025.07.013. — EDN LLKEGX.

REFERENCES

1. Amatov, A. M. (2025). O roli lichnosti v politicheskom diskurse = On the individual’s role in political discourse. *Text. Language. Person*, 139–144. Mozyr', MGPU. EDN LTGSRB.

2. Van Deik, T. A. (2013). Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii = Discourse and power (in Russian). Moscow: LIBROKOM, 344 p. ISBN 978-5-397-03766-2.

3. Gabets, A. A. (2017) Funktsional'naya paradigma deiktich-eskikh sredstv v inauguratsionnykh rechakh amerikanskikh prezidentov XX-XXI vekov = The functional paradigm of deictic means in the inaugural speeches of American presidents of the 20th-21st centuries. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, *23*(2), 102–105. EDN YPMOZN.

4. Zakirova, E. S., Akhmetgareeva, O. F. (2025). K voprosu o funktsionirovanii konfliktnogo deiksisa v politicheskikh tekstakh = On the functioning of conflict deixis in political texts. *Bulletin of philology*, *5*(2), 5–10. EDN QLIMNU.

5. Karamova, A. A. (2025) Mestoimenie my kak sredstvo reprezentatsii kontseptual'nogo priznaka «svoi» klyuchevogo politicheskogo kontsepta «svoi/chuzhoi» v sovremennom politicheskom diskurse = The pronoun ‘we’ as a means of representing the conceptual feature “ours” of the key political concept “ours/theirs” in modern political discourse. *Political linguistics*, *6*(114), 22–28. EDN LSSXWW.

6. Kostina, N. Yu., Khairova, Kh. Zh. (2025). Temporal'nyi deiksis v politicheskom diskurse (na primere rechei britanskikh politikov o Breksite) = Temporal deixis in political discourse (based on the speeches of British politicians on Brexit). *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, *18*(7), 2705–2713. DOI 10.30853/phil20250378. EDN FRYMTK.

7. Krasil'nikova, N. A. (2005). Oppozitsiya «My» — «Oni» v diskurse ehkologicheskikh dvizhenii Anglii, Rossii i SSHA = The “Us — Them” opposition in the discourse of environmental movements in England, Russia and the USA. *Political linguistics*, *15*, 85–102. EDN JVKIZB.

8. Kurash, S. B., Amatov, A. M., Svishchev, G. V. (2018). Voennaya metafora v politicheskom diskurse: taktika i strategiya = Military metaphor in political discourse: tactics and strategy. *Research result : issues in theoretical and applied linguistics*, *4*(2), 12–20. EDN UWEKMQ.

9. Mel'nik, O. G. (2019). Rol' deiksisa v modelirovanii ritoricheskogo prostranstva (na materiale rechi Kh. Klinton) = The role of deixis in modeling rhetorical space (based on H. Clinton speech). *SFU Bulletin. Philological sciences*, *1*, 108–118. DOI 10.23683/1995-0640-2019-1-108-118. EDN ZCCZBB.

10. Pakholkova, L. M. (2012). Nekotorye osobennosti pragmatiki personal'nogo deiksisa v institutsional'nom politicheskom diskurse (na materiale rechei rukovoditelei FRG, RF i SSHA pri vstuplenii v dolzhnost') = Some features of the pragmatics of personal deixis in institutional political discourse (based on the speeches of the leaders of Germany, the Russian Federation and the United States upon taking office). *Bulletin of Cherepovets state university*, *2*(3), 119–122. EDN PCEEEP.

11. Khlopotunov, Ya. Yu. (2025). Yazykovye sredstva realizatsii taktiki polyarizatsii v amerikanskom predvybornom diskurse (na primere debatov D. Trampa i Dzh. Baidena) = Linguistic means of implementing polarization tactics in American election discourse (using the example of the debates between D. Trump and J. Biden). *Discourse of professional communication*, *7*(2), 73–92. DOI 10.24833/2687-0126-2025-7-2-73-92. EDN NVMXAY.

12. Bourgeois, S., Bousfield, D. (2025). Pragmatics in Contested Interpretation : Varied Audiences, Varied Implicatures, Varied Inferences. Palgrave Macmillan Cham, 150 p. ISBN 3031953444.

13. Bylykbashi, H. (2025). Deixis in American and British Political Discourse : A Corpus-Based Study. *Jordan Journal of Modern Languages & Literatures*, *17*(4), 851–868. DOI 10.47012/jjmll.17.4.1.

14. Bystrov, N. A. (2024). Contemporary American Political Discourse : a Study of Content, Structure, and Formation Features. *Professional Discourse and Communication*, *6*, 35–48. DOI 10.24833/2687-0126-2024-6-2-35-48. EDN DAGJFK.

15. Hamdaoui, M. (2015). The Persuasive Power of Person Deixis in Political Discourse: The Pronoun ‘We’ in Obama’s Speeches about the 2007-2009 Financial Crisis as an Example. *European Conference on Arts & Humanities, Official Conference Proceedings*, 99–111.

16. Körner, R., Overbeck, J. R., Körner, E., Schütz, A. (2022). How the Linguistic Styles of Donald Trump and Joe Biden Reflect Different Forms of Power. *Journal of Language and Social Psychology*, *41*(6), 631–658. DOI 10.1177/0261927X221085309.

17. Kulubekova, A., Naimanova, Ch., Shermatova, A., Khabibullaeva, N., Baigaziev, D. (2024). Exploring Personal Deixis in Political Discourse: An analysis of Barack Obama's Farewell Address. *Traduction et Langues*, *23*(3), 57–74. DOI 10.52919/translang.v23i03.1011. EDN NLJXKK.

18. Macagno, F. (2022). Argumentation Profiles and the Manipulation of Common Ground. The Arguments of Populist Leaders on Twitter. *Journal of Pragmatics*, *191*, 67–82. DOI 10.1016/j.pragma.2022.01.022. EDN PNYCBA.

19. McEntee-Atalianis, L., Vessey, R. (2025). Putting negotiation on a ‘principal-ed’ footing: A corpus-informed discourse analysis of person deixis in diplomatic debates. *Journal of Pragmatics*, *247*, 42–56. DOI 10.1016/j.pragma.2025.07.013. EDN LLKEGX.